

## Содержание

### Введение

|                                                       |    |
|-------------------------------------------------------|----|
| Предисловие ( <i>Тоштендаль-Салычева Т.А.</i> ) ..... | 11 |
|-------------------------------------------------------|----|

*Хенниус В.*

|                                                                                                              |    |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Российско-шведскому<br>учебно-научному центру 25 лет.<br><i>Перевод с шведского А.А. Ахременковой.</i> ..... | 19 |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|

*Макарова Н.Я.*

|                                                                                                           |    |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Практика реализации образовательной<br>программы «Международная журналистика.<br>Скандинавские СМИ» ..... | 23 |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|

### Вопросы теории гуманитарного знания

*Репина Л.П.*

|                                                                                                            |    |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Интеллектуальная история<br>в теории и на практике: сбылись ли прогнозы<br>прошедшего тридцатилетия? ..... | 31 |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|

*Тоштендаль Р., Чиландер С.*

|                                                                                                                                                        |    |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Микро, макро и теория: об изменениях в обществе<br>на микроуровне и власти знаний на макроуровне.<br><i>Перевод с шведского М.О. Дубовицкой.</i> ..... | 53 |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|

*Тоштендаль-Салычева Т.А.*

|                                                              |    |
|--------------------------------------------------------------|----|
| Шведская историческая наука<br>от Гейера до наших дней ..... | 78 |
|--------------------------------------------------------------|----|

## Слово на шведском языке

*Жильцова Е.Л.*

|                                                                   |     |
|-------------------------------------------------------------------|-----|
| Шведские пословицы как отражение<br>национального характера ..... | 107 |
|-------------------------------------------------------------------|-----|

*Люстров М.Ю.*

|                                                                                                      |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Из кого «Великий Петр людей соделать мог»,<br>а Екатерина «соделала героев»:<br>шведский ответ ..... | 117 |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

*Маньков А.Е.*

|                                                  |     |
|--------------------------------------------------|-----|
| Несколько картин<br>из истории одного села ..... | 124 |
|--------------------------------------------------|-----|

*Матыцина И.В.*

|                                                                                                                    |     |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Юридический язык как явление<br>правовой жизни современной Швеции:<br>проблемы и основные тенденции развития ..... | 144 |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

*Петруничева В.А.*

|                                                                              |     |
|------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Переводить или не переводить – вот в чем вопрос:<br>«лишние» топонимы? ..... | 155 |
|------------------------------------------------------------------------------|-----|

*Чекалина Е.М.*

|                                                                             |     |
|-----------------------------------------------------------------------------|-----|
| Сила слова и образа: о поэзии Эдит Сёдергран<br>и ее русском переводе ..... | 162 |
|-----------------------------------------------------------------------------|-----|

## История и культура

*Андрейчук К.Р.*

- Творчество и судьба С.В. Ковалевской  
как фактор формирования представления  
о женщине в русской и шведской  
биографической литературе ..... 181

*Воротынцев П.И.*

- Колдунья Каллас: Великая оперная певица  
в роли Медеи на оперной сцене и на экране ..... 194

*Линд М., Эйикссон А.*

- Телетрамплин: от детского телевидения  
к современному искусству и литературе ..... 202

*Свенссон (Васильева) С.Я.*

- Традиции византийского искусства  
во фресковой живописи XII в. на острове Готланд:  
новые исследования и перспективы ..... 208

*Бьёрк Р.*

- В шаге от победы: карьеры номинантов  
на Нобелевские премии в 1901–1940-х гг.  
*Перевод с английского Е.Е. Пересыпкиной* ..... 223

*Карапетянц И.В.*

- Социальные и гуманитарные  
функции транспорта. .... 248

*Комаров А.А.*

|                                                                                                                     |     |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Советско-шведские симпозиумы по истории:<br>опыт сотрудничества в 1976–1991 гг.:<br>воспоминания и наблюдения ..... | 260 |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

*Толстиков А.В.*

|                                                                                     |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Хенрик Маттссон (Индрик Матвеев) –<br>«русский толмач», шпион, дипломат XVI в. .... | 274 |
|-------------------------------------------------------------------------------------|-----|

*Флорин К.*

|                                                                                                                                                             |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| «Будущее можно изменить!»:<br>борьба за избирательные права женщин<br>в Швеции как модернистский проект.<br><i>Перевод с шведского Ю.В. Филиновой</i> ..... | 288 |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

*Чичуга М.А.*

|                                                                   |     |
|-------------------------------------------------------------------|-----|
| Управление бизнес-архивами в Швеции<br>на современном этапе ..... | 308 |
|-------------------------------------------------------------------|-----|

*Краткое содержание статей на шведском языке* ..... 319

*Сведения об авторах* ..... 333

## Несколько картин из истории одного села

Село Старошведское Старошведской волости Херсонского уезда Херсонской губернии. Так это село называлось в XIX в. Его нынешнее украинское название – Змиевка, шведское – Gammalsvenskby. Село Старошведское на Херсонщине? Возможно, это случайность или какая-то мистификация? Нет, Старошведское – это именно то название, которое должно иметь это село, потому что оно было основано в 1782 г. шведами – переселенцами с острова Дагё в Балтийском море. Первый раз я приехал в Змиевку-Старошведское-Gammalsvenskby осенью 2004 года. Целью поездки было выяснить, на каких языках говорят в селе – говоря научно, выяснить лингвистическую ситуацию. В то время не было известно по сути ничего: сохраняется ли скандинавский диалект – тот, на котором говорили основатели села и который восходит к диалекту острова Дагё? Если сохраняется, то что он собой представляет? Кто на нем говорит? С первого же разговора со «старым шведом» (это был ныне покойный Густав Аннас; «старые шведы» – так называют носителей диалекта в селе) мне стало ясно, что диалект сохранился как целостная языковая система и что его обнаружение является крупным лингвистическим открытием. Это единственный живой и при этом неисследованный скандинавский диалект на территории бывшего СССР. Он резко отличается от стандартного шведского языка. Существенно, что основатели села были выходцами не из Швеции и говорили не на литературном шведском той эпохи, а на диалекте острова Дагё, который был одним из шведских диалектов Эстонии. Современный швед при общении с носителем диалекта поймет, о чем идет речь, но не более.

С 2004 г. я езжу в село каждый год. Моя задача – как можно более подробное лингвистическое описание диалекта села. Постепенно в работе с носителями диалекта я перешел от записи отдельных слов, словосочетаний и предложений к записи достаточно развернутых повествований на диалекте. В ближайшем будущем я планирую научную публикацию этих повествований. В основном это воспоминания о старых временах, охватывающие период от конца 1920-х гг. (самые ранние воспоминания) до конца 1950-х. В России трудно удивить рассказами о репрессиях и несчастьях, но история Старошведского в XX в. – это, безусловно, нечто совершенно необычное. Жители села последовательно испытывали все бедствия, которые произошли после революции. Это и коллективизация, и репрессии 30-х годов, и угон немцами в Германию, и ссылка на спецпоселение в Коми АССР после войны. Послереволюционные события отразились и на языке села, который сейчас близок к исчезновению: на этом языке больше никогда не заговорит ребенок. Те жители села, которые выжили в 30-е и 40-е годы, сознательно не передали детям и внукам свой язык. После событий 30–40-х годов нормальный уклад жизни в Старошведском был навсегда разрушен, и то, что имеется сейчас, – это самые последние остатки прошлого, которые скоро исчезнут. Поэтому записанные рассказы – это в основном истории смертей, уничтожения и гибели.

Повествования, которые приводятся ниже, основаны на устных рассказах трех носительниц диалекта – А.С. Лютко («7 октября 1937 г.»), Л.А. Утас («Мост в проводах») и М.Ф. Прасоловой («Кусок хлеба с маслом»). Повествование А.С. Лютко значительно короче повествований Л.А. Утас и М.Ф. Прасоловой. Это связано с ее смертью в 2013 г. Насколько мне известно, рассказы жителей Старошведского о событиях 1930–1940-х гг. никогда ранее не публиковались. Изначально все рассказы были записаны мною на диалекте, затем с помощью носителей я перевел их на русский язык. В них нет ничего придуманного. Я лишь обработал записи, стремясь приблизить их к художественной форме, но сохраняя при этом стиль изначальных устных повествований. Кроме того, я счел необходимым сохранить повествование от первого лица, так как пересказ, мне кажется, был бы в этом случае менее ценным. Можно сказать, что XX век сделал по большому счету ненужным вымысел в литературе. Каким бы спорным ни было это утверждение, у нас нет необходимости что-либо додумывать или при-

думывать в записанных повествованиях, поскольку вымысел совершенно не нужен после описанных там событий. Это касается и деталей: ни одна из них не вымышлена. Все имена и названия также сохранены без изменений. Люди, спящие в хлеву среди овец; орехи, рассыпавшиеся из кармана расстрелянного; покойник, которого не успели похоронить и оставили лежать в пустом доме под простынёй; заминированный мост, взорванный в тот момент, когда по нему ехали люди, – все это действительно видели своими глазами мои рассказчики.

Итак, слово Анне Семеновне Лютко, Лидии Андреевне Утас и Мелитте Фридриховне Прасоловой.

7 октября 1937 г.

Это было седьмого октября 1937 года, праздник октября. Мы уже спали, я и моя сестра Марта, ей было восемь лет, а мне – шесть. В ту ночь к нам пришли и забрали моего папу в тюрьму. Тогда забрали семнадцать мужчин и одну женщину. На следующее утро к маме пришла милиция из Берислава\*. Они велели ей идти отмечать праздник в церковь. Тогда это уже была не церковь, это был клуб, там танцевали и играла музыка. Но мама не пошла. Они сказали: «Ты пойдешь туда, где твой муж, а дети – в детский дом». Но она все равно не пошла. Они приходили не только к моей маме, но ко всем женщинам, у которых забрали мужей. Мама смогла увидеть папу только один раз в Бериславе. Они все сидели в подвалах, их сильно били, у них не было ни одного ногтя на пальцах и ни одного зуба, и папа сказал, что чем им получить двадцать пять лет, пусть лучше их расстреляют. Он так и сказал: «Пусть лучше они нас расстреляют». И через двадцать пять лет мы написали в Москву и узнали, что их расстреляли.

### Мост в проводах

Раньше у нас в селе рядом с церковью был магазин. Церковь была с одной стороны дороги, а магазин был на другой стороне. Бабушка там купила мне кровать, она была с железными спинками. Когда пришли немцы, они повесили у мага-

---

\* Районный центр.

зина двух человек, одного русского и одного шведа, Митьку Краковского и Юлиуса Аннаса. Рядом с магазином были два больших дерева, и там уже висели веревки. Они привезли тех двоих на санях из города\*, и когда те увидели, что на деревьях висят веревки, они выскочили из саней и побежали, и их застрелили, притащили к деревьям и повесили. Они висели там целую неделю, и когда разрешили снять их, то со шведа не смогли снять веревку, она так врезалась и вмерзла, что его похоронили с веревкой на шее.

С другой стороны Днепра были русские, а в селе, с этой стороны, были немцы, и русские стреляли по немцам. Напротив нашего дома, через улицу, снаряд залетел в кухню, но не разорвался. Во время обстрелов мы прятались у Анны Сигалет\*\*. У них под летней кухней был большой подвал, и там собиралось много народу, потому что такие подвалы были не у всех. Однажды, во время обстрела, осколками разбило дверь, которая вела в подвал. Мы потом ушли оттуда и перешли на другую улицу, где падало меньше снарядов. Потом еще снаряд прострелил дерево, грушу, которая росла во дворе, в середине ствола была дыра от снаряда. И все-таки то дерево не погибло, на нем потом были груши.

У нашей бабушки был сундук, который она привезла из Швеции, мы сложили в него какие-то вещи, и бабушка закопала тот сундук во дворе, в таком месте, которое не могло завалить камнями. Мы знали, где закопан сундук, потому что мы все вместе вытаскивали его из дома. Это было в сорок первом году. Потом, когда все утихло, мы его выкопали.

Когда началось отступление, как-то раз утром немцы сказали нам, что мы все должны уехать из села. Чтобы все выехали к вечеру, в тот же день, и чтобы в селе не оставалось ни одного человека. Все села уже были пустые, было страшно ходить по улицам, нигде не было ни души, и собаки не лаяли. Мамин брат служил в полиции, он плакал и говорил: «Если вы не залезете в машину, мне приказано расстрелять вас». И мы залезли в машину... Вначале нас погрузили в военные грузовики. Мы были не одни, нас там было одиннадцать семей. Когда нас бросали в грузовики, было еще светло. К ночи нас вывезли. Машины ехали без фар. Немцы стре-

---

\* Из Берислава.

\*\* Сигалет – девичья фамилия А.С. Лютко.

ляли ракетами, и они светили, чтобы было видно дорогу. Не помню, сколько семей было в машине. Всего там было три машины, на них собрали людей из четырех наших сел. У нас с собой был только один сундук, тот самый, который бабушка закапывала в сорок первом году. Мы сложили в него одежду. А дома осталась корова, свинья, куры, подвал с картошкой, бочки с засоленными огурцами и капустой, куча арбузов. Бросили все, и нам не сказали, куда нас везут. Это было в октябре, 27 октября 1943 года.

И вот нас привезли в какое-то село, не знаю, как оно называлась. Мы, дети, ходили по селу и просили дать поесть, потому что у нас ничего не было. А спали – спали мы в школе, там были скамейки, поставленные одна на другую, и там мы спали, кто на полу, кто во дворе. Немцы, они нам не давали еду, а то, что было из дома... что было из дома? Кусок сала... Мы все, и родители, и дети, и старики, сидели и ждали, а чего было ждать? Нас всех могли расстрелять. Немцы говорили, что у нас в селе\* идут тяжелые бои и туда нельзя возвращаться. Там действительно почти все дома были разрушены. Тем, кто вернулся туда сразу после войны, в сорок седьмом году, было негде жить, там от домов остались одни стены без крыш. Единственное, что рядом была плавня\*\*, там росли деревья, вот и ходили туда и рубили сучья, и крыли ими крыши...

Потом нас повезли на станцию Волочивск, а оттуда привезли в одно село, Користовку. Мы были там два или три месяца. Папа работал там на сахарной фабрике, и все наши шведы работали там. Мы там пробыли примерно одну зиму. Потом нас снова погрузили в вагон и повезли в Польшу. Когда мы ехали, Анна – дочь дяди Петера, папиного брата, – пошла за водой. Она поставила ведро с водой в вагон, а поезд уже ехал. Она не успела залезть в вагон и попала под поезд. Ей отрезало ногу. Немецкие солдаты, которые тоже ехали там – это были раненные – втащили ее в вагон. Я помню, что у нее вокруг рта показалась пена. Она, наверно, хотела сказать что-то, поэтому у нее изо рта пошла пена. Солдаты потом забрали ее сапоги и сказали нам, что она истекла кровью. Ей было пятнадцать или шестнадцать лет. А кто похоронил ее и где – кто знает?

---

\* В Старошведском.

\*\* Заливной луг у Днепра.

\* \* \*

Вначале мы были в Польше, в Вартегау, округ Кротосцин, а село называлось Хорлебрунн. В Хорлебрунне нас было много шведов: бабушка, мамина сестра Эмма, мамин брат Эмиль со своей женой Матильдой, Густав и Йоханнес, тоже мамины братья, Альвина Нурберг со своими сестрами и мамой (их тоже была куча детей), Анна Сигалет с сестрой мамы и братом. Бабушка писала из Польши письма в Швецию. Письма открывали, и там было напечатано, что их открывали: geöffnet, по-немецки.

Оттуда, из Польши, папу забрали копать противотанковые окопы в Кёнигсберг. Он был не один, вместе с ним забрали Марию Херман, мамину двоюродную сестру, и Марту Нурберг. В конце войны они убежали оттуда, где копали окопы, и вернулись как раз в то время, когда нас вывозили из Польши, а так мы бы и не узнали, где они и что с ними. Они все заболели там, когда копали окопы, простудили почки. Папа умер уже в Коми, в 1946 году, седьмого февраля. Тридцатого января папе исполнилось сорок лет, а седьмого февраля он умер. Марта умерла через неделю, четырнадцатого. Ей было девятнадцать лет.

В Польше умерла моя сестра. Ее звали Эльза, ей был год и три месяца. Когда мы вошли в дом, который нам дали, она посмотрела кругом, все пусто, стены в комнате были белые от инея. Она плюнула и сказала: «Фу, кака», потому что в доме было грязно и некрасиво. И там мы ее похоронили. Выкопали ей яму, отнесли ее на кладбище, а там уже была вода в могиле. Чтобы не видеть, что опускаешь гроб в воду, мы набросали в могилу веток с деревьев, с елок. Это было в сорок четвертом году, мне еще не было одиннадцати лет. Там мы ходили в школу. Учительница была старая, седая, она была не замужем, фройляйн Вернер. Помню, я ходила туда в церковь, и нас учили петь на Рождество. А сестра священника играла на органе. Тот священник потом приехал в Германию и разыскал нас. Он хотел с нами встретиться, потому что был вместе с нами в Польше. Он сказал: «Люди высокомерные и не верят в Бога, потому что они не видели горя». А мы ходили в церковь, потому что нам пришлось через многое пройти.

Там мы были до начала сорок пятого года. Нас вывезли оттуда 21 января, и мы поехали на телеге в Германию. Из того села вывезли всех, там остались только поляки. Когда вывозили, всех погрузили в повозки, а один мужчина с семьей не хо-

тел выезжать со двора, где он жил. И вот немцы расстреляли его. Когда он упал, из его кармана рассыпались орехи. Он тоже был немец, и его все равно расстреляли. Его жена после этого поехала с детьми, а он остался лежать во дворе.

\* \* \*

Когда нас вывезли из Польши, мы ехали как цыгане, одна повозка за другой, и среди нас были фуры с немецкими солдатами. Один раз, под Лисау, прилетел самолет, и пролетел вдоль всех наших фур с одного конца до другого. Мы думали, что он вернется и будет стрелять в нас, потому что он ведь должен за вылет расстрелять все патроны и сбросить все бомбы. Мы остановились, слезли на землю и стали разбегаться и прятаться. Но он не тронул нас, только высунул голову из кабины и помахал нам рукой. Это был русский летчик. Мы ехали рядом с Анной Сигалет, и они хотели стащить с повозки свою бабушку, чтобы спрятаться, а она не хотела слезать и кричала: «Пусть лучше меня убьют, чем так мучиться». Она умерла позже, в Ковеле, ее там похоронили.

Когда мы ехали, было и так, что никто не пускал в дом на ночь, и мы спали на улице. Помню, что спали и в хлеву, среди овец. Там еще была какая-то женщина, которая приносила нам горячий кофе. Бывало и так, что мы попадали в пустой дом, а на кухне на плите кипела еда: хозяйева убежали и не успели снять еду с плиты. В одном доме что-то лежало на кровати под белой простыней. Это был покойник, которого не успели похоронить. Тех людей, которые были там до нас, вывезли, и они не успели его похоронить. В хлеву стояли недоенные коровы. Помню, мама успела подоить одну корову. Мы бежали, а бой шел сразу за нами: то за километр, то за полкилометра, то еще ближе, и мы слышали, как они разговаривали и кричали нам вслед. Впереди был Одер, и мост через него. Как только мы переехали через Одер, тот самый мост, по которому мы ехали, взорвали. Мост уже был весь в проводах, когда мы ехали по нему. Он был весь заминирован, и оставалось только взорвать его. Мы бежали в самом конце, но все-таки мы не были последними, за нами были еще повозки. И как только они въехали на мост, его взорвали. Все, что было на мосту, оказалось в воде, и они, конечно, все погибли, там невозможно было уцелеть. Под мостом росли кусты, а потом начиналась вода, и все те люди упали в воду. Возможно, кто-то успел спрыгнуть с моста, из тех, кто был старше. Из

шведов мы были последними; мы задержались из-за того, что мама родила в пути. За нами ехали такие же люди, как мы, но это были не шведы, а немцы. И когда взорвали мост, все они упали в воду.

\* \* \*

Когда мы ехали, то нельзя было останавливаться, где хочешь. На дорогах стояли часовые и следили, чтобы никто не останавливался. Нам каждый раз говорили, в какое место ехать, и по приезде везде надо было отмечаться. Один раз нас приняли как людей, дали нам поесть, уложили на кроватях, и мы спали на простынях и под одеялами. Хозяйка сказала: «Нам тоже предстоит все это, потому что нас тоже вывезут». Мама там впервые искупала ребенка, которого она родила в дороге, он был еще не вымыт после того, как родился. А утром мы снова поехали дальше, куда было сказано.

Мама родила на дороге, когда мы ехали в Германию. Поляки дали нам одеяло, которым укрывали коня, и папа сделал нам навес над телегой, и получилась кибитка. Там сидела мама, моя сестра Мария и брат Андреас. Был сорок пятый год, когда немцы вывезли нас из Польши. Мария родилась в тридцать седьмом году, а Андреас – в сороковом. Мама родилась в 1912 году, папа – в 1906-м, а я – в 1933-м. А бабушка была 1887 года рождения. Это было зимой, после двадцатого января, я не помню, 21-ое или 22-ое. Бабушкин день рождения был 21 января. Мы все трое лежали на телеге, я, Мария и Андреас – и шел снег, одеяло над нами засыпало снегом. Мы стряхивали снег и опять укрывались. Снег таял на том одеяле, и оно намокло... Мама родила мальчика, и он выжил. Его звали Йоханнес. Я помню, что мимо шел немецкий старичок, а он плакал, тот мальчик. И старичок спросил: «Что, у вас плачет маленький ребенок?» И бабушка сказала: «Да, он родился в пути, тот ребенок». «Что же, – говорит он, – на дороге он родился, на дороге и умрет». Так и случилось. Он умер уже в Коми, в сорок шестом году. Тот старичок был очень старый, с палкой, и горбатый.

\* \* \*

В Коми было так: мы ехали от Айкино до самого Корткероса, нас везли на санях двести километров. Это было в январе, пятое или шестое января. Старики сидели, сбились в кучу, каждая семья, все прижалась друг к другу из-за холода, был

сильный мороз, и в бараке тоже было холодно. Пришел старший над нашими бараками, он, наверно, был из милиции, потому что у него была фуражка, а на фуражке было что-то написано. Он сказал, что пришли сани, чтобы забрать людей. А в такой холод никто не хотел ехать. И он начал сбрасывать кастрюли с плиты и кричать. Расставил ноги, стоял, раскачивался и кричал: «Вы привыкли на Сталина ехать, так что и сейчас поедете». Он, наверно, тогда был пьяный. Нам пришлось ехать. Там были и грузовики. Но на грузовиках забирали взрослых, которые могли работать. Папу тоже забрали на грузовике. А детей не хотели сажать в грузовик, поэтому нам с мамой пришлось ехать на санях. Так мы и поехали. Он, наверно, сильно промерз, тот малой, которого мама родила в пути, он стонал, как старичок. Мы остановились в доме, который назывался «Дом колхозников», остались там переночевать, потому что лошадям тоже надо отдохнуть и поесть. Там было много народа. И он уже был там как мертвый. Там была железная печь, и мы пошли, оторвали доску и разрубили ее, растопили печку, и когда стало тепло, он отошел. А когда мы были уже на месте, в Корткеросе, он умер. Папа был на втором участке, а мы – на первом. Пришел папа, и они отнесли его на кладбище, папа и мама, и похоронили. Потом, когда была оттепель, мы пошли делать могилу и не нашли то место. Наверно, оно было слишком близко к дороге, по которой ездили на санях в Корткерос, поэтому сани могли зацепить и вытащить крест. Крест мог также упасть, когда растаяло – снег и земля. Вот и не нашли.

### Кусок хлеба с маслом

Мой папа родился в 1888 году, а бабушка (папина мама) – в 1868 году. Ее звали Марианна, а фамилия – Пóртъе. Она была немка, из Михайловки\*. Она работала у шведского хозяина, его звали Хóас. Он был богач, и у него был сын, который соблазнил ее. Хоас не разрешил сыну взять ее в жены, потому что она была бедная, немка. Она вышла замуж за двоюродного брата этого Хоаса, он тоже был Хоас. Он был свинопас, не ходил в школу и не умел писать. У них было четверо детей – три мальчика: Александр, Йозеф и Густав, и одна девочка, Алина.

---

\* Немецкое село рядом со Старошведским.

После революции, в двадцать девятом году, они уехали в Швецию и остались там. Йозеф и Александр помогали нам и присылали посылки, когда мы вернулись сюда из Швеции в тридцать первом году. Это был голодный год. Посылки приходили на почту в Михайловку. А я была еще маленькая, ходила в школу, и мама велела мне ходить на почту и забирать посылки. Сама мама не могла ходить, потому что забирать посылки из Швеции не разрешалось. Я была еще маленькая, поэтому мама отправляла меня, через балку, и я возвращалась мимо кладбища, чтобы никто не видел. Они присылали нам продукты и одежду, мне и моей сестре. У меня было две сестры, они тогда уже были замужем, у них уже были дети.

Мой дедушка, Хоас, умер в Швеции, и бабушка снова вышла замуж за Ивана Альберса, и у них было трое детей: один мальчик, Гуннар, и две девочки – одну звали Катя, другую – Альвина. Альвина вышла в Швецию замуж за американца и уехала в Америку. И потом они приезжали из Америки сюда к нам, навестить нас.

Моя мама была шведка, фамилия Херман, Анна Андреевна. Она родилась в 1887 году, была на год старше папы. Умерла она в 1959 году. Нас было четыре сестры: Мария, Эмма, Эльза и я. А брата звали Йоханнес. Мария была 1912 года рождения, Эмма была 1918 года, Йоханнес – 1921-го, Эльза – 1923-го. А я была самая младшая, 1926 года.

В двадцать четвертом году папа построил себе дом. Он был небольшой: одна комната, кухня и прихожая, вот и все. Была еще летняя кухня. И конюшня у нас тоже была. Была корова и четыре овцы, и птица, и гуси. Они сами ходили к реке и плавали целый день. Вечером они шли домой. Они приходили сами, гусак шел впереди, они за ним, один за другим, гуськом. Он подходил к калитке, а они за ним.

Мы уехали в Швецию в двадцать девятом году, все шведы. Мне тогда было три года. Сюда по Днепру пришел пароход, и нас всех погрузили. Я помню, как мы потом сошли с парохода в Ленинграде и ждали, пока нас посадят в машины и повезут. Так вот, мы приехали в Йончёпинг и стали жить там. Мама доила коров, папа работал в конюшне. Потом мы переехали в Стокгольм, в столицу. Там мы жили у хозяина, на краю города, и он нам дал дом. Мама и там доила коров, а папа работал в конюшне. Иногда папа ездил в поле и возил меня на телеге. У мамы было три брата: дядя Симон, дядя Якуб и дядя Кристиан. Они жили не в Стокгольме, а на Готланде. На Готлан-

де люди тогда жили хуже. А мы жили в столице, и жили хорошо. Раз в месяц они получали пол-литра водки, приезжали к нам в Стокгольм на два-три дня, гуляли и потом уезжали. Они уговаривали маму и папу вернуться с ними назад, в Россию. Мама не хотела ехать и сказала папе: «Хочешь, так поезжай, а я останусь с детьми». Маму тогда вызвали в рабочий комитет и сказали: «Если он хочет ехать, пусть едет, а ты оставайся здесь с детьми, мы выучим Йоханнеса, чтобы он стал инженером, поможем тебе, и девушкам тоже поможем». Ну а мама не захотела. Она сказала: «Что я буду с детьми одна?» А папа сердился, он махнул рукой и сказал: «Можешь оставаться тут! Я поеду один». Но мама не захотела развестись и оставить детей без отца. И так они и уехали из Швеции и вернулись сюда, в свой дом.

Когда мы приехали из Швеции, у нас жили евреи. Но потом, когда мы приехали, они ушли в свое еврейское село, по своим домам. Папа начал работать в колхозе, он вытягивал из колодца воду и развозил по селу. Ночью он смотрел за лошадьми. Также он должен был чинить хомуты, вечером он сидел и чинил, там было много лошадей. А мама доила коров, восемнадцать коров, три раза в день, и пекла хлеб по ночам. Она должна была печь для колхоза сорок шесть кило каждый день. Мы купили корову, у нас был сепаратор, мы сепарировали молоко, сливки отдельно, молоко отдельно. Мама была масло. Мы купили и птицу, у нас было восемьдесят кур. И по воскресеньям я и Эльза, моя сестра, ходили пешком на базар в Берислав. Там мы продавали яйца и масло и получали немного денег. Некоторые люди голодали, было нечего есть, многие поумирали, а некоторые жили лучше. Мария уже вышла замуж за Йоханнеса Нурберга и пошла работать. Она работала в колхозе, в степи, на хлопке. Эмма вышла за Густава Нурберга. А Йоханнес и Эмма ходили в школу. Потом и Эльза пошла в школу, и я тоже. Я пошла в шведскую школу. В обед нам давали тарелку супа в школе, они там варили. В шведской школе было только четыре класса. Там были учителями сестра и брат, они учили шведских детей по-шведски. Его звали Сигфрид, а ее – Мелитта, их фамилия была Утас. Она преподавала в первом и втором классе, а он – в третьем и четвертом, а больше классов не было. Однажды он поехал в город и выиграл мотоцикл, и все говорили, что Сигфрид приедет на мотоцикле. Люди стояли на улице и смотрели, как он едет. Это был первый мотоцикл, который у нас увидели. Он ехал с

красным флагом, который был прикручен спереди. А у моего брата был первый в селе велосипед, ему купил папа. Мелитта, что была учительницей, была замужем за русским. Кажется, она умерла в Одессе, когда нас вывезли отсюда немцы, умерла после родов. А Сигфрид оказался в Швеции после войны, работал там священником. Мне было одиннадцать лет, когда я закончила школу. Наш учитель – Сигфрид – сказал, что я должна дальше идти учиться в немецкую школу, в Шлангендорф\*, а я не пошла. В немецкую школу было далеко ходить, а зимой было холодно, я была маленькая, мне тогда было одиннадцать лет. Мама уходила в четыре часа утра доить коров. И папа тоже уходил рано утром развозить воду. Как я пойду так далеко в другое село по снегу? Поэтому я больше не ходила в школу, была дома и помогала маме. Так мы жили.

В тридцать седьмом году некоторые шведы подписались на одной бумаге, что они хотят ехать обратно в Швецию. И партийцы узнали об этом, выехали ночью с черным вороном, милиция, и приехали к нам в село. Забирали по двое, по трое, сажали в машину, закрывали дверь и увозили в Берислав, в тюрьму. Потом их жены ездили туда, в Берислав, чтобы узнать, что с ними делают. Анна Пóртье тоже поехала к своему папе, Матсу Нурбергу, и говорит: «Почему у тебя нет зубов?» Он сказал: «Из-за того, что они заставляли подписать то, чего я не делал. Они разозлились и выбили зубы».

Моя мама хоронила людей и крестила детей, как священник в церкви. И ей сказали: «Прекращай и больше не хорони, иначе пойдешь в тюрьму». Они хотели хоронить людей с красным флагом и петь «Интернационал». А мама сказала: «Что мне делать, если люди приходят и плачут? Я иду и хороню». Наверно, ее тоже забрали бы в ДОПР, но началась война, зашел немец, это был сорок первый год. После войны, когда мы вернулись из тайги, тут не было ни священника, ни церкви, поэтому все опять звали маму, она снова ходила, крестила и хоронила людей, и по-русски, и по-шведски, и по-немецки.

\* \* \*

Это был сорок первый год, мы работали в степи, молотили, и приехали пятнадцать парней, фашистов, на велосипедах, они расспрашивали, как тут, и поехали в село смотреть, есть ли там еще русские солдаты. Их тут уже не было, они уже

---

\*Одно из немецких сел рядом со Старошведским.

все уехали за Днепр и стреляли с той стороны. Отсюда немцы стреляли туда, а русские стреляли сюда. Стреляли и ночью, и днем, и нам надо было ходить и прятаться по подвалам. Два раза прилетал самолет и бросал бомбы, они попали на кладбище, и здесь в селе три бомбы упали между домов и разрушили дом. Вот так нам приходилось жить. Однажды я гнала корову к реке, и в это время начали стрелять с той стороны. А мы жили далеко от реки, и мне пришлось бежать с коровой, чтобы добраться до дома. А потом стало тихо, когда русские отошли дальше, к Сталинграду.

Мы работали при немце так же, как при русском. Был председатель, бригадир. Мы работали в степи, на хлопке, мама доила коров, пекла хлеб, как и при русских. Когда немцы зашли сюда, они повесили Митьку и Юлиуса. Он был партиец, председатель. Немцы сказали, что они выдавали людей\*. Они сидели в городе\*\*, ночью их привезли сюда на санях и повесили. Один вырвался и побежал, в него стреляли, взяли его и повесили на бревне на веревке. Там они висели целую неделю. И их матери и дети ходили и плакали. Через неделю их сняли, отдали домой.

Когда немцу пришлось отступать в сорок третьем году, нас всех вывезли отсюда. Нам пришлось оставить коров и свиней. Всё осталось дома: и коровы, и свиньи, и птица, и утки, и гуси. Все осталось. Старики сидели на повозке, а нам пришлось идти пешком за телегой, мне и моей сестре Эльзе, потому что кони не тянули столько народа, и была грязь. Было холодно, это был октябрь месяц, 23 октября. Мы шли весь день, никакой горячей еды. Шли днем, а ночью спали на голой земле, стелили одеяло на землю и там спали, было холодно, уже был мороз. И так мы шли до самой Белозёрки, до Николаева, где была железная дорога. В Николаев мы пришли вечером. Йоханнес, мой брат, у его жены был маленький ребенок, он пошел и попросил одного человека, чтобы пустил нас на ночь, и он нас не пустил. Мы там пробыли какое-то время, есть было нечего. Так вот, мой брат Йоханнес пошел и спросил немцев-эсесовцев, почему нас не везут в Германию. Он сказал: «Хотите везти нас в Германию, так сажайте в вагоны и везите. А нет, так берите и расстреливайте нас всех и не мучайте». Нас было сорок

---

\* Якобы были доносчиками коммунистов.

\*\* В Бериславе.

душ: дети, старики, молодежь... И нас погрузили в вагон, в такой, где возят уголь, лошадей и коров, повезли до самого края Германии и завезли в город Оффенбург, это у самой Франции, у границы. Когда мы ехали, нам было нечего есть. На станциях я выбегала из вагона и собирала брюкву... И смотри, я осталась жива и дожила до восьмидесяти семи лет!

В Оффенбурге был русский лагерь, и там было много молодежи из разных стран, тысячи людей. Меня оттуда отправили к одному хозяину, он жил у границы, его звали Швайгерт. А Мария, старшая сестра, осталась в том лагере, у нее был маленький ребенок, мальчик, и двое старших. И младший заболел и умер. Ему было восемь месяцев. Его привезли в церковь и похоронили, он лежит в Оффенбурге.

Я тогда была молодая, мне было восемнадцать лет. Одна старая немка пришла и попросила, чтобы ей дали кого-то постирать одежду. Дали меня. Я пошла с ней, она жила в городе. Она завела меня в подвал, там было замочено много белья для стирки. Я зажгла огонь, там был большой котел, мне надо было бросать, кипятить и стирать. Там были только простыни и пододеяльники. Я все перестирала и развесила, и они позвали меня в дом есть. Я там пообедала в кухне, сидела за столом. А их сын, летчик, был тогда дома в отпуске. У меня был блестящий гребень. Я сидела и ела, вошел их сын, прошел мимо меня, заметил мой гребень и сказал: «Это Сталин дал его тебе?» Я сказала: «Да». Он улыбнулся и ушел. Через неделю они получили письмо, что его убили. Я видела его сестру в городе и спросила, что делает мама. Она сказала: «Мама заболела, потому что мы получили письмо, что моего брата убили».

Потом нас отправили в рабочий комитет. Там нам надо было стоять и ждать, пока нас возьмут на работу. Мы стояли, девушки и парни, разговаривали и смеялись. Пришла одна женщина, она была такая высокая и толстая, с черными бровями, и я засмеялась и сказала: «Ой, какая она страшная, вот если мне придется идти работать у нее!» Она приехала на велосипеде, поставила его у стены и вошла. Она хотела взять кого-то на работу. И позвали меня. Она жила на краю города, у них была земля, где они сажали все: картошку и буряки, и лук. Она хорошо относилась ко мне. У нее был сын, ему было шесть лет, а больше детей у них не было. Они мне показали, что готовить. Всего там было десять человек, из них шесть рабочих: два поляка, два француза, один парень – немец, и одна девушка – немка. Отец того парня-немца тоже был хозяин, у него была

земля. Я ему сказала: «Почему ты не учишься у твоего отца?» А он мне сказал: «Фройляйн Мелитта, у нас нельзя учиться дома у отца, надо учиться у другого крестьянина». Он, наверно, жил в Черном лесу, по-немецки Шварцвальд. В субботу он уезжал домой, в понедельник приезжал назад.

Мои родители были в том лагере, в Оффенбурге. Там жили только старики и дети, они спали в старой школе, там было много кроватей. Директором был один старик с большими усами. И я всегда приходила в лагерь в воскресенье в три часа, а в пять должна была идти назад, к хозяину, туда, где я жила и работала, на окраине, у Рейна. Тот старик, старший по лагерю, сказал: «Почему ты так быстро уходишь?» Я сказала: «Я должна идти домой готовить ужин». Тогда он сказал: «У нее нет стыда, у твоей хозяйки! Ты приходишь раз в неделю к маме и папе, а она не может устроить, чтобы ты могла спать тут, а утром идти к ней?» Он позвонил хозяйке и пристыдил ее за то, что она не может сама приготовить ужин. И она разрешила, чтобы я оставалась в лагере до утра понедельника. По утрам у нее было обыкновение пить чай, и потом она ехала в город, там у них был магазин. Я к ней привыкла. Если бы я была в Германии одна, я бы не вернулась домой, осталась бы у нее. Она плакала, когда меня забирали у нее, я была у нее целый год. Ее звали фрау Швайгерт.

После этого нас всех забрали на фабрику, где делали ткань для парашютов. Дали нам комнату и кухню. Вскоре людей начали посылать на границу копать окопы, чтобы танки не вошли в Германию. В то время наступали американцы. И немцы забрали мужа Марии и мужа Эльзы, моих сестер, копать окопы. Они тогда не вернулись домой. После войны муж Марии из Германии, где он копал окопы, попал в Узбекистан. Потом его привезли домой, к нам в село, он был больной, на руке не было пальцев. Чему ей было радоваться, когда он был больной? После того, как он приехал, он прожил только пару месяцев. У него даже не было одежды. У Марии тоже не было денег. Когда он умер, мой муж сказал: «Возьми мой костюм, надень на него и похорони».

Когда зашел американец, та фабрика перестала работать. Мы тогда уже работали не на фабрике, а ходили в город, работали в ресторане, внизу, на кухне. Однажды, когда у меня был день рождения, я вернулась с работы, меня позвал муж Эльзы, моей сестры, он был белорус. Он сказал: «Входи!» В комнате на подушке стояла тыква, которую он вырезал и вычистил

изнутри: нос, зубы и глаза. Он разрезал тыкву пополам, зажег свечу, поставил ее внутрь и закрыл, одну половину тыквы на другую. И я смеялась. Он любил шутить, стоял и смеялся. Он был хороший мужик.

Один раз нас позвал хозяин ресторана, там сидели два офицера, французские летчики, они посмотрели на нас и сказали: «Ну, куда вы хотите ехать? Украина вся разрушена, стоят стены без крыш. Что вы там хотите делать?» А мы сказали: «Мы хотим домой». А получилось так, что после войны нас повезли не домой, а в тайгу.

\* \* \*

Когда закончилась война, нас привезли в Ковель. Была осень, и было уже холодно. Мы там были под открытым небом, потом выкопали себе ямы и покрыли их ветками и землей. В тех ямах мы жили. Там были мама, папа, мой брат Йоханнес с женой и ребенком, Мария и я. Папа уже был болен, у него была астма. Днем мы получали по тарелке супа. Мы там видели, как русские водили немецких солдат на работу, они шли с лопатами на плечах и пели «Эрика, Эрика». В Ковеле мы пробыли два месяца. Потом нас погрузили в такой вагон, где возят уголь, лошадей, коров. В вагоне нас было сорок человек: и дети, и молодежь, и старики. В том поезде было много немцев из России, наш вагон прицепили к немецкому, к русским немцам и повезли с ними. Русские злились, что мы были в Германии, а мы были не виноваты, немцы выгнали нас со дворов под автоматами. Нас везли и везли, и наши мужики сказали им: «Куда вы нас везете? У нас есть документы, мы жили на Украине». Им сказали, что на Украине бандеровцы закладывают мины под рельсы и взрывают поезда, поэтому нас везут другой дорогой. А мы видели, что нас везут не домой. И что мы могли сделать? Мы сидим в вагоне, голодные, и едем. Когда поезд останавливался, мы выбегали и набирали воду. Есть было нечего, никто нам ничего не давал. Нас везли в лес, в тайгу, там был лагерь, бараки. И там стали выгружать немцев, а нас повезли дальше, там была фабрика, где делали фанеру. А Лидия\*, они не вышли с нами, со шведами, их повезли еще дальше с другими немцами.

Мы приехали в Коми зимой, двенадцатого декабря сорок пятого года. Было холодно, пятьдесят градусов мороза. Барак

---

\* Л.А. Утас.

был пустой, нежилой, дверь настежь, стекол нет, поэтому внутри было полно снега. Там, наверно, раньше жили тюремщики. Нам надо было вначале вычистить барак от снега. Там стояли двухъярусные кровати, одна внизу, другая сверху. Старикам с детьми вначале сказали идти в школу, там можно было греться, но в ту школу пришли мужики из комяков и выгнали их. Они сказали: «Вы фашисты, зачем вы к нам приехали? Уходите!» А уже наступает вечер. Они прибежали назад в барак, где мы расчищали снег, с детьми, тянули их за руку и плакали. Мы – те, кто был в бараке, – уже навели там порядок, вычистили снег и натопили, было тепло. А они сидели и плакали. Там было сорок человек шведов: и дети, и молодежь, и старики. Там мы жили две недели.

Моя сестра Эльза родила в тот же день, двенадцатого декабря, ночью в бараке. Маме пришлось принимать ребенка, девочку, врача не было. Она повесила одеяла на верхнюю кровать, чтобы люди не видели. Она не кричала, молчала, ей было стыдно кричать, в бараке было сорок человек. Утром я пошла искать, чтобы кто-нибудь дал сани и лошадь и отвез бы ее в больницу, в родилку. Ее положили под перину, было холодно, пятьдесят градусов мороза, и повезли. Мы не знали, куда ее повезли, потому что в санях не было места, я осталась дома, и мама тоже не поехала. Ее повез чужой человек. На другой день я пошла искать ее. Мы прошли шестнадцать километров и нашли ее, она лежала с ребенком в родилке. Через восемь дней нам сказали, чтобы мы ее забрали домой. Мне надо было снова идти за санями и лошастью и ехать за ней, забрать ее в барак, опять сорок человек. Когда она приехала из больницы, у девочки был нарыв на груди, но потом она выздоровела. Сейчас ей семьдесят лет.

Потом нас повезли в другое место, на фабрику, где делали фанеру. Мы ехали на санях, а папа шел за санями. Было 45 градусов мороза, а у него была астма. Мы приехали туда, когда уже было темно. Я хотела дать папе поесть, он взял ложку, и я увидела, что он держит ее неправильно, низом вверх. Я сказала: «Вы держите ложку низом вверх». Он сказал: «Дочка, я ничего не вижу, я ослеп». На следующий день – это было воскресенье – он послал меня на базар, чтобы я выменяла кусочек масла на хлеб. Он сказал: «Перед смертью я хочу кусочек масла». Я встала утром и пошла на базар, за десять километров, ходила целый день, но не достала масла. А в половине третьего зимой становится уже темно. Я пришла домой, а папа уже

умер. Он уже лежал одетый. Нам надо было вынести его в лес, там была небольшая будка из досок. Там лежали мертвые. Мы положили там папу и зажгли свечу, она горела и днем, и ночью. Гроб был готов через три дня. В воскресенье перед обедом пришла Сигалет Кристина\*, она умела петь и читать молитвы, и все женщины тоже пели по книгам, псалтирям. И его закрыли, тот гроб, забили его гвоздями, вынесли и поставили на машину. На кладбище надо было ехать восемь километров, оно было в лесу. Там лежит много, много народа. Там нам надо было опустить гроб в могилу. Яма уже была выкопана, нам надо было только опустить гроб и забросать его землей. Мы сказали ему: «Прощай, прощай, папа, мы идем домой». Мне тогда было двенадцать лет. Это был сорок шестой год, шестое января, русское Рождество. Папа лежит в тайге уже семьдесят лет.

Вначале, когда мы только приехали на фанерную фабрику, мы жили в землянке. Там было много семей, сорок душ: и дети, и молодежь, и старики. С обоих концов землянки стояли плиты, на которых варили еду. В кроватях были клопы, они не давали покоя ночью; вечером обычно зажигали спички, жгли их, и они падали на пол. Там, где мы жили, поблизости была большая балка, там был родник, вода бежала между камней, и там мы брали воду для готовки. Однажды, когда я была на работе, Эльза взяла ведро и пошла за водой. Она стала там и начала набирать воду в ведро. А ФЗУ-шники, мальчишки, стояли на другой стороне балки, начали бросать в нее камни и разбили ей голову. Она взяла ведро и пошла домой, в землянку. Мама испугалась, когда увидела, что у нее течет кровь. Она промыла там и завязала платком. Эльза лежала в постели, больная. А мама плачет и говорит, чтобы я пошла и нашла медсестру. Мы приехали туда неделю назад, я еще ничего не знала. Но я все равно нашла медсестру, она пришла, развязала платок и посмотрела место, где ее ударили камнем в голову. Она перевязала ей голову и сделала уколы. Эльза долго болела, но потом ей стало лучше.

На фабрике был один начальник, он сказал нам: «Если вы придете ко мне работать, я дам вам комнату, дам вам доски и гвозди, и вы сделаете себе кровати». И мы напилили себе досок, я и Мария. А Густав вымерил длину и сколотил их. В той комнате нас было три семьи, у нас было чисто и тепло, и было красиво. Мама там купала маленькую девочку, дочь Эльзы.

---

\* Мать А.С. Лютко.

Я была на работе весь день. И Густав, муж сестры, тоже был на работе. Я достала себе валенки, выменяла их у одного деда, чтобы не отморозить ноги. Было холодно, пятьдесят градусов мороза. Одевала платок и папину шапку сверху, и завязывала платок под подбородком. Так я ходила весь день. Мы там пилили деревья. До того места, где мы работали, надо было идти по снегу восемь километров пешком. Домой приходили в половине третьего, когда уже становилось темно. Дома мы ужинали, нам готовила мама. А Эльза была с маленьким ребенком. Мы ужинали и ложились спать. Утром я вставала в семь и одевалась. Мама готовила что-то поесть. Я ела и шла в лес, восемь километров, было еще темно. Мы ходили с Густавом, мужем сестры. В лесу мы обедали, у нас оставался кусок хлеба под фуфайкой на груди, доставали его и съедали, и брали немного снега в рот. Мы не клали хлеб в карман, потому что в кармане он замерзнет, будет твердым, мерзлым, и не сможешь его есть.

Один раз я и Эмма взяли с собой на работу нашу сестру Марию, чтобы она могла хоть что-то заработать. За один день можно было заработать кило хлеба. У нее было двое детей: девочка, тринадцать лет, ее звали Астрид, и мальчик, Йоханнес, ему было шесть лет. У нее не было мужа. Мы с Эммой пилили деревья, а Мария обрубала ветки. Она была старше нас, была не особо сильная. И мы работали до вечера, в половине третьего уже вечер. И люди уже пошли на тропинку, чтобы идти домой, по реке, Вычегде. Когда мы утром приходили в лес, мы делали тропинку, шли один за другим. А вечером мы шли назад по той тропинке. Мы пошли с Эммой, а какой-то мужчина крикнул: «Мелитта, твоя сестра Мария падает, она замерзла насмерть». Я испугалась, подняла ее и закричала: «Мария, Мария!» Она ничего уже не слышала, глаза закрыты, и закусила зубы. Тогда я ее подняла, моя сестра посадила ее мне на спину. И так мне надо было нести ее десять километров, потому что Эмма несла топоры и пилу. У Марии было дома двое детей. Пошел снег, мы не видели дорогу, потому что тропинку замело снегом. Все ушли домой, был уже вечер. А мы остались там одни. Мария не могла стоять: я поднимала ее, она стоит и снова падает. Так я несла ее десять километров на спине, три часа, снег по колено. Мы бы могли там остаться лежать под снегом, все три сестры. Когда мы уже подходили к дому, навстречу вышел муж Эммы и мой брат с санями. Ее посадили на сани и повезли. Ее внесли, мама взяла большой чан, принесла в нем снег, мы раздели ее, положили на кровать и начали тереть снегом. И она ожила, от-

крыла глаза и посмотрела на нас. Она потом вернулась с нами в село\* и жила долго, а умерла в 1988 году.

Однажды пришел какой-то швед и услышал, что наши женщины говорят по-старошведски, он вошел в землянку и спросил, шведы ли мы. Я сказала: «Да, мы шведы». – «А почему вы здесь? Мы не воевали с русскими, почему вас загнали на Север?» Мы сказали: «Мы не знаем». Тогда он взял бумагу, записал нас всех на бумагу, всех сорок человек. И сказал, что мы должны послать это Сталину, в Москву. Наши парни взяли и послали это в Москву. Через неделю пришел милиционер, зашел к нам, поздоровался по-русски и опять записал нас всех на бумагу. Через месяц он пришел опять, принес нам паспорта и сказал, что если у нас есть деньги на дорогу, то мы можем ехать домой. Он сказал, что мы свободны и ни в чем не виноваты. А у Марии не было денег, ни копейки. Мы не могли ее оставить там, и нам пришлось заплатить за нее, мне и маме. Если бы она там осталась, она бы умерла. Упала бы, когда шла в магазин, и там бы и замерзла насмерть. У Эльзы тоже не было денег. Их могли бы там оставить, никто бы не помог. Никто ничего не сказал, чтобы им помочь, не дали ни копейки. У нас была швейная машинка, мама взяла и продала ее, чтобы были деньги купить хлеб. На станциях солдаты продавали хлеб, сто двадцать рублей за буханку. А однажды дочь Марии, Астрид, пошла за хлебом в магазин, там была толпа, и, когда открыли дверь, ее сбили с ног. На третий день она умерла из-за того, что ее топтали в толпе. Ей было тринадцать лет. Я одела ее в мое платье, сделала ей венок и фату, и мы похоронили ее как невесту. Это было в сорок шестом году, осенью.

---

\* В Старошведское.

## Сведения об авторах

*Андрейчук Ксения Руслановна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН, старший преподаватель Российско-шведского учебно-научного центра РГГУ

*Бьёрк Рагнар*, доктор философии, профессор эмеритус истории Южностокгольмского университета (Швеция)

*Воротынцева Петр Ильич*, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории театра и кино Института филологии и истории РГГУ

*Жильцова Елена Леонидовна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова

*Карапетянц Ирина Владимировна*, доктор исторических наук, профессор, директор Института международных транспортных коммуникаций, зав. кафедрой ЮНЕСКО «Этика науки и технологии, устойчивое развитие и транспортные системы» ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»

*Комаров Алексей Алексеевич*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Руководитель Центра истории Северной Европы и Балтии Института всеобщей истории РАН

*Линд Мария*, куратор выставок, преподаватель, публицист, директор Художественного музея в г. Кируна (Швеция), советник по культуре посольства Швеции в РФ в 2020–2023 гг.

*Люстров Михаил Юрьевич*, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской классической литературы Историко-филологического факультета РГГУ, зав. отделом древнеславянской литературы ИМЛИ РАН

*Макарова Наталия Яковлевна*, кандидат педагогических наук, доцент, декан Факультета журналистики РГГУ

*Маньков Александр Евгеньевич*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, старший научный сотрудник ПСТГУ, доцент РГГУ

*Матыцина Ирина Витальевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова

*Петруничева Виктория Александровна*, старший преподаватель Российско-шведского учебно-научного центра РГГУ

*Репина Лорина Петровна*, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания РГГУ

*Свенссон (Васильева) Светлана Ярославовна*, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Стокгольмского университета, лектор Университета для взрослых (Senioruniversitetet, Стокгольм)

*Толстиков Александр Владимирович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Петрозаводского государственного университета

*Тоштендаль Рольф*, доктор философии, профессор эмеритус истории Уппсальского университета, член Шведской королевской академии словесности, истории и древностей, почетный член Уральского отделения РАН, почетный доктор РГГУ

*Тоштендаль-Салычева Тамара Алексеевна*, кандидат исторических наук, доцент, почетный доктор Уппсальского университета (Швеция), директор Российского-шведского учебно-научного центра РГГУ

*Флорин Кристина*, доктор философии, профессор эмерита женской истории Стокгольмского университета (Швеция)

*Хенниус Виктор*, сотрудник Шведского института (г. Стокгольм)

*Чекалина Елена Михайловна*, доктор филологических наук, профессор, завкафедрой германской и кельтской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова

*Чиландер Свенбьёрн*, доктор философии, профессор эмеритус истории Университета центральной Швеции

*Чичуга Марина Алексеевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Историко-архивного института РГГУ